

КОРИФЕЙ РУССКОЙ СЦЕНЫ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. П. САДОВСКОГО

«ИЗ МОЛОДОГО Садовского (сына) выйдет со временем большой актер: у него естественность и жар, и добродушие, и часть того спокойного симпатического юмора, которым так был богат его отец...». Это строки из письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной, посланного после спектакля Малого театра «Лакомый кушочек».

В ту пору редко бывавший в Москве Иван Сергеевич не мог знать, что Михаил Провович Садовский уже сыграл свыше ста разнохарактерных ролей, зарекомендовал себя большим актером. Ученик отца и Островского, убежденный преемник их реалистического метода, достойный продолжатель славных традиций русского театра, Михаил Садовский почти за сорок один год своей деятельности в Малом театре (1869—1910) исполнил около трехсот ролей. В их числе свыше шестидесяти в произведениях Островского.

Понятно символично звучит признание Михаила Прововича: «В один день с комедией Островского я увидел свет, и нога в ногу с ним прошла вся моя жизнь...». Точнее, впервые, шести лет от роду, выйдя в двух пьесах Островского на подмостки Малого театра, он, много лет спустя, ролью

Маломальского («Не в свои сани не садись») навсегда покидает сцену.

И тему современника — основную тему Островского — актер верно почувствовал и стремился выявить ее во всем многообразии и глубине. Он создает галерею контрастных образов. Среди них Подхалюзин и Тихон Кабанов, Мурзавецкий и Белугин, Карандышев и Счастливец, Мелузов и Хлынов...

Его сценические характеры приобретают с годами большую социальную и сценическую остроту, яркую типичность и художественную обобщенность. С присущей ему прозорливостью, душевностью гуманиста, умением чутко вникать в атмосферу окружающей воплощаемого лица жизни, безошибочно оценивать ее, Михаил Провович при повторном прочтении роли всегда углублял образ, расставляя более точные акценты.

И оттого его образы пленяли углубленной психологичностью, гармоничным сочетанием комического с драматическим, точностью национального и бытового колорита, единством внешнего и внутреннего рисунка. Словом, характер представлял во всей неприкрашенной правдивости. Горячо соперничавшему зрителю образ зачастую казался даже знакомым лицом — настолько ступень вываслась граница

между искусством и явью...

Между тем артист, так же как и его отец, достигал предельной впечатляющей силы не расточительностью красок, а скорее скупым, осмысленным отбором выразительных средств. Слово, то виртуозное речеведение, которое на все годы определило особенность сценического стиля старших Садовских, чудесно сверкало в его исполнении. Никогда не изменявший принципу внутреннего перевоплощения, Михаил Провович с одинаковым интересом работал над любой ролью, независимо от ее масштаба. Своей долгой сценической практикой Садовские-старшие убедительно доказали, что нет маленьких ролей, есть лишь маленькие актеры...

Формально числившийся как бытовой протак и характерный комик, он обычно раздвигал рамки амплуа. Многогранный художник, Садовский подымался до вершин подлинного драматизма. Актер театра Островского и Гоголя по преимуществу, Садовский имел грандиозный успех и в ролях обширного, далеко не равноценного репертуара. Особенно в бесподобных «дуэтах» с О. О. Садовской, которые навсегда вписаны в золотой фонд русского актерского искусства.

Даже по нескольким отрывкам из отзывов знатоков можно судить о замечательных свершениях Михаила Прововича. «Редко встречаешь до такой степени законченное воспроизведение действительности!» — писал Ю. М. Юрьев о недостижимом совершенстве Садовского в роли Мелузова («Таланты и поклонники»). Юрий Михайлович считал счастливыми себя и тех, кому довелось насладиться этим спектаклем, в частности, изумительным творчеством Ермоловой (Негина) и Садовского.

А бессмертный Хлестаков! Садовский играл его в течение четверти века и неизменно оставался непревзойденным интерпретатором этой роли, труднейшей во всем комическом репертуаре. Полагали, что Хлестаков Садовского — наилучший в многолетней сценической истории «Ревизора» — наверняка удовлетворит бы и самого автора...

Следует добавить, что органически чуждый самодовольным, торжествующим баловням судьбы, убежденный заступник ее пасынков — людей простых, трудовых и неудачливых, оступившихся и униженных, обездоленных в волчьем окружении, — Михаил Провович особенно тревожил сердца в подлинные ролях. Притом свое отношение к любимым персонажам выражал отнюдь не патетично, но с отличавшими его вдумчивостью, тро-

гательной, теплой сердечностью.

...Безоблачной и долголетней была дружба Михаила Прововича с Островским, возглавившего после отца плеяду соратников великого драматурга и его героической борьбе за передовой русский национальный театр. Благоприятное воздействие Островского отразилось и в театральной педагогике Садовского, и в его начале также с благословения Александра Николаевича многожанровым литературным творчеством. Не мгновенной услугой, но вторым жизненным призванием стал для него писательский труд. Но это особая тема...

Островский явился и постоянным, верным защитником Михаила Прововича против нападок бюрократических заправил казенного театра, с которыми никогда не ладился отношения независимо мыслящего правдолюбца Садовского. Впоследствии П. М. Садовский (внук) писал, что его отец «во многом походил на деда — и он не гонялся за ролями, не гнул спины перед начальством, и все свои злоключения молча переносил, но не сдавался...».

Этот краткий очерк хочется закончить словами его друга — А. И. Южина:

«Только те артисты имеют право на общественное значение, которые, кроме таланта, посят в себе глубокую и неразрывную связь со своим народом — и что бы они ни играли, их творчество должно глубоко корнями вращаться в родную почву. Только тогда их художественное значение имеет смысл и цель...».

И. ЗЛОТНИКОВА.

21 ИЮН 1912
МОСКВА